

АРТЕФАКТОРЫ

Осторожно, двери открываются

Уходя, закройте двери

Двери больше не нужны

ЕКАТЕРИНА СОБОЛЬ

Двери больше
не нужны

АРТЕФАКТОРЫ

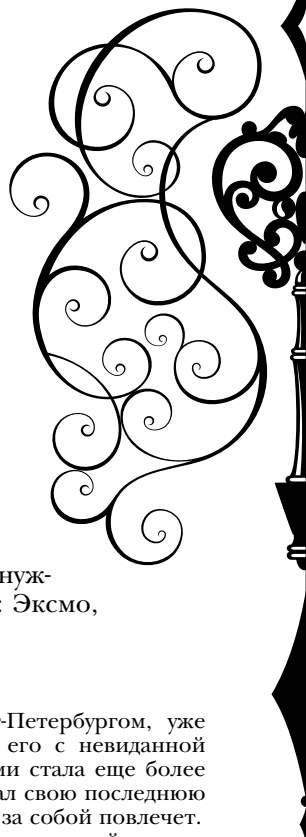
ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Иллюстрация на переплете Valentine
Иллюстрация на суперобложке пихта

Книга создана при содействии
Литературного агентства «Вимбо»

Соболь, Екатерина.

С54 Артефакторы. Двери больше не нужны / Екатерина Соболь. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-229803-5

Город, который лишь кажется Санкт-Петербургом, уже не спасти. Магические двери разрушают его с невиданной яростью, охота за бесценными артефактами стала еще более жестокой. Злодей по прозвищу Гудвин начал свою последнюю партию, и ему нет дела, сколько жертв она за собой повлечет.

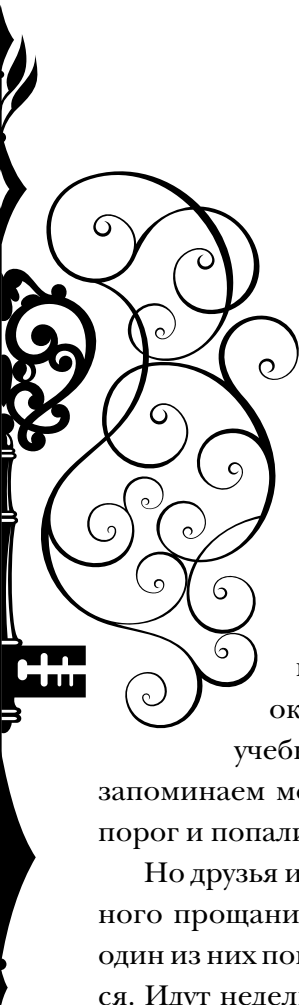
Но в этом раунде два игрока. Девушка, у которой отняли все, даже воспоминания, вернется, чтобы бросить вызов врагу. Ее любимый готов на все, чтобы помочь ей, но вот беда: она забыла и его тоже. Можно ли влюбиться в того же человека второй раз? И что важнее – спасти любовь или мир, который рушится?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229803-5

© Соболь Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
© ООО «Вимбо», 2026

ПРОЛОГ

Финал — вот что главное в историях, из которых состоит жизнь. Вспомнишь кого-нибудь из своего прошлого и думаешь: «Знать бы в ту нашу встречу, что она была последней». Праздники часто обозначают окончание чего-нибудь: старого года, учебы в школе, холостяцкой жизни. Так мы запоминаем момент, когда перешагнули невидимый порог и попали из одной эпохи в другую.

Но друзья и любимые часто уходят без торжественного прощания. Например, двое сближаются, затем один из них покидает город, обещая, что скоро вернется. Идут недели, и тому, кто остался, кажется, что от него осталась лишь оболочка, наполненная ожиданием. Вероятно, так чувствовал себя Малыш из детской книжки: вырослел, делал все, что должен, и ждал, ждал, когда вернется Карлсон и они снова будут играть вместе. Но небо за окном оставалось пустым, и не у кого было выяснить, чем занят далекий друг.

Неизвестность хуже всего. Каждой истории нужен финал, даже если он печальный.

Август выдался поразительно мокрым — Антону казалось, природа впала в то же уныние, что и он. Солнце, недавно торчавшее над головой круглыми сутками, выплывало из-за горизонта все позже, лениво подсвечивая дождевые тучи. В первые недели после ухода Тани Антон просыпался бодрый — может, она уже здесь? — но вера таяла вместе с длиной светового дня.

В то утро, когда что-то в его застывшем мире наконец изменилось, он проснулся от сигнала почталлиона. Адрес, сиявший на экране, обещал сложности, на часах было шесть утра, за окном — хмурая серость. Хотелось снова уснуть, а потом соврать, что не услышал сигнал, но Антон угрюмо натянул куртку прямо на футболку для сна и поехал на вызов. Работа была единственным делом, в котором он не чувствовал себя неудачником. Если не справится даже с ней, это будет началом конца.

Из машины он вылез на Дворцовой набережной — и ошарашенно подумал, что конец, похоже, близок вне зависимости от его рабочего настроения.

Вот уже пятнадцать лет в городе то и дело открывались призрачные двери, сотканые из голубого сияния, похожего на огонь газовой плиты. Куда они ведут, никто не знал, да городскую Стражу это и не волновало, главное — вовремя закрывать их. В последнее время двери стали злее, ломали асфальт или землю под собой, едва открывшись. Но сегодня... Дверь, которая скрывалась где-то в Летнем саду, не злилась. Она... была в ярости.

Асфальт вибрировал так, словно под ним работает исполинская дрель. Ветра не было, но сквозь влажную

дымку, окутавшую Неву, Антон разглядел мелкие суетливые волны, бегущие наперегонки. Таких дверей он еще не встречал: открылась минут десять назад, а уже готова разнести и сад, и набережную, и дно реки.

Лучший способ бороться со страхом — не думать, что делаешь. Летний сад был еще закрыт, на воротах висел замок, и Антон полез через решетку, ощущая, как дрожь земли отдается в стальных прутьях.

По пустой набережной разнесся визг шин. Антон насторожился, уверенный, что прикатили бандиты из Клана, но это оказался Вадик, коллега из Стражи.

— Что за... — Вадик вылез из машины и сразу почувствовал вибрацию земли. — Там дверь размером с триумфальную арку? Антош, почему в неприятности вечно вляпываешься именно ты?

Антон молча перемахнул через острые пики, украшавшие верх решетки, и приземлился в саду. Вадик с кряхтением полез следом, бормоча, как ненавидит подтягиваться, да и вообще любой спорт.

Статуи вдоль главной дорожки белели в тусклом утреннем свете, листья шуршали, хотя ветра по-прежнему не ощущалось. Все вокруг казалось хрупким, игрушечным. Хоть бы поскорее найти дверь! Почталлион туманно обозначил место ее открытия как «Летний сад». Антон не любил вызовы, на которых дверь приходится не только закрыть, но и найти, а уж сегодня такое было особенно некстати. Вадик за спиной топал как слон, продолжая ворчать.

— Чего ты вообще приперся? Не твой округ, — на бегу выдохнул Антон, приглядываясь, не блеснет ли где-то знакомое голубое сияние.

— Да я снова в ночную смену вышел. — Вадик еле переводил дыхание. — Деньги коплю, хочу квартиру снять. Удобно было жить у Беллы, но у нас же теперь вечно Павел Сергеевич торчит. Чувствую себя третьим лишним, хотя вообще я за них рад. Совет да любовь нашим старичкам!

Нелепо вести такие разговоры, когда земля под ногами дрожит, словно Летний сад вот-вот провалится в тартарары, но Вадика это не смущало.

— Короче, сижу я в Страже, дремлю, — и тут сигнал. Смотрю на карту, думаю: о, Летний сад. А кто у нас в Дворцовом округе работает? Никого! А где никого, там наш супермен, который взял бесхозные округа себе. Решил съездить, составить тебе компанию, ты же... Ой, ну притормози немного, дай подышать!

Остаток фразы потонул в грохоте. Вдалеке с душевраздирающим треском упало дерево, по пути цепляясь кроной за соседей. Антон сразу рванул туда: хоть направление поисков прояснилось.

Дверь нашлась около Кофейного домика — старинного желтого павильона, где во времена Достоевского было кафе, а теперь хранили садовый инвентарь. Приоткрытая, сотканная из мерцающего сияния, все как обычно, вот только... Такого насыщенного цвета Антон еще не видел. Дверь казалась не голубой, а синей, и это было, пожалуй, красиво, вот только земля на сотню метров вокруг выглядела так, словно ее рыхлили бульдозером. Кофейный домик просел всей левой стороной — видимо, треснул фундамент. Деревья угрожающе пошатывались, почва под ними крошилась, корням ста-

ло не за что уцепиться. Антон успел пробежать еще пару шагов, потом ноги начали проваливаться, как в болоте.

— Никогда не видел, чтобы дверь так буянила, — констатировал очевидное Вадик. — Но закрыть надо, иначе...

Хрустнуло дерево, Антон зажмурился, понимая, что отскочить не успеет — но оно приземлилось в стороне, обдав его острым запахом переломанных веток. Антон начал осторожно пробираться дальше, стараясь не смотреть вверх. Если не справится с закрытием, грош ему цена, а помереть на работе, спасая Летний сад, — не худший финал. Однажды Таня все же вернется, спросит о нем, и ей скажут: «Он героически погиб на вызове. Мы уверены, что протянул бы подольше, если б ты ему сердце не разбила. Да где ты была все это время?!»

— Отойди подальше, сам сделаю, — буркнул он Вадиду, который двинулся было за ним.

Антон забрался на поваленное дерево, пробежал по нему — так удобнее, чем идти по зыбкой неверной почве. Переждал оглушительное падение еще одного дерева. То ли слез, то ли упал в рыхлую развороченную землю. Комья лезли в рот, но он упрямо пополз к двери. Прямо под ней был разлом, уходящий так глубоко, что передвигаться получалось только цепляясь за спутанные корни на краю. Антон осторожно разжал одну руку и нащупал в кармане ключ.

— Держись! — крикнул Вадик.

Рядом еще что-то упало, Антон почувствовал это всем телом, но оглядываться не стал. Какой смысл? Переждал и двинулся дальше.

Призрачный прямоугольник сиял прямо в воздухе, ему-то опора не требовалась. Оказавшись под ним, Антон кое-как подтянулся выше, вставил ключ в замочную скважину и повернул. От ключа во все стороны прокатилась волна сияния, и дверь растворилась без следа. Дрожь земли сразу улеглась, но... Он втянул голову в плечи, когда рухнуло еще одно дерево — и снова даже не оцарапало его. Видимо, героически погибнуть сегодня не судьба. Антон выполз из оврага, оставленного дверью, и без сил растянулся на земле, покрытой мешаниной из выдранной травы, корней и палых листьев.

— Молодец. — Вадик добрался до него и дружелюбно пихнул носком ботинка. — Я чуть не поседел! Что за адские врата?! Зато глянь-ка...

Вадик нашарил среди комьев земли артефакт. Похожий на спичечный коробок, он горел тем же ослепительно синим светом, что и исчезнувшая дверь.

— Не встречал таких ярких. Небось мощный, зараза, как... Оп, валим отсюда!

Вадик глянул вверх и рывком потянул Антона за собой. Тот послушно тащился следом, уже и не вздрогнув, когда за спиной с громким «вш-ш-шух» шмякнулась береза.

Они обогнули несчастный Кофейный домик и оказались на набережной Фонтанки. Еще вчера сюда было бы не попасть, но решетку, отделявшую сад от набережной, повалило, и к воде теперь можно было свободно выйти. Что Антон и сделал — навалился грудью на парапет, глубоко вдохнул и понадеялся, что его не вывернет.

Но когда он огляделся, стало только хуже — потому что он вдруг узнал место, где они стояли.

— Что с лицом? — тут же спросил Вадик.

Перед ними Фонтанка, на другом берегу — желтое здание суда с белыми колоннами. В феврале на льду реки открылась призрачная дверь, и Таня, как раз впервые попавшая в город, ее закрыла. Антон уставился вниз, на тускло-серую воду. Вот тут и была дверь, а стоят они прямо напротив места, где он помог Тане спуститься на лед. Как же мало времени они провели вместе: два дня в феврале, два дня в июле, вот и все, что у них было.

— Говори уже, — велел Вадик, облокотившись на парашет рядом. — Хотя нет, дай-ка угадаю. Опять про нее думаешь?

— Про кого? — возмутился Антон, сам понимая, что голос звучит фальшиво.

Он не заводил разговоров о Тане с тех пор, как та ушла, но Белла с Вадиком его в покое не оставляли — им что, сплетничать больше не о ком?

— Извини, что вмешиваюсь в твой тонкий душевный мир, но все-таки еще разок скажу: забудь эту девчонку. Когда ты о ней думаешь, у тебя лицо тупеет. — Вадик изобразил перекошенную физиономию, в которой Антон себя не узнал. — Да, я тоже надеялся, что она вернется, пригодилась бы нам, с ее-то способностями, но, может, оно и к лучшему? Не ты ли говорил, что она продажная злодейка и верить ей нельзя?

— Тогда я ее плохо знал.

— Ой, а потом за пару дней узнал! Может, первое впечатление было верным?

Антон обернулся на Кофейный домик, прикидывая, как удобнее скрыться: по набережной или через полосу препятствий на месте двери. Лучше второе — может, Вадик за ним не полезет. Но тот, похоже, уловил ход его мыслей и предупреждающе наступил на ногу.

— Куда собрался? Я не закончил.

Настолько злым тоном Вадик говорил нечасто. В такие моменты Антон вспоминал, что этот нечесаный ворчун с серьгой в ухе вообще-то на два года старше его.

— Я же за тебя, Антох! — Вадик смягчился, но ногу с его кроссовки не убрал. — Сам подумай: Таня твоя подозрительно всесильная. Дважды являлась в город через двери — вот эти, призрачные, через которые и пройти-то невозможно! Потом мы узнали, что она трюкачка с даром сильнее всех известных. Потом — что она дочь самого Гудвина, главного городского мафиози. Потом — что она может не только закрывать двери голыми руками, но и открывать новые, а это вообще безумие. Дальше, по твоим словам, она сама создала дверь, наплела тебе, что вернется, и вышла через нее. Не похоже, что у вашего романа грядет хеппи-энд.

— Не было никакого романа!

— Ой, ну ты-то не возражал бы, я тебя насквозь вижу. Радуйся, что она скрылась: эта акула сожрала бы такого лопуха, хрустя костями.

— У лопухов нет костей. И она не такая, — сказал Антон, хотя планировал молчать, пока фонтан красноречия Вадика не иссякнет. — Если не вернулась, значит, не смогла.

— Ха. Она способна, считай, на все. Если не вернулась, значит, не захотела. До тебя не доходит, да? По-

нимаю, тебя бросили, обидно, ты ходишь унылый, но твоя Танемания до добра не доведет. Говорят, любовь делает всех лучшей версией себя — ничего об этом не знаю, но, глядя на тебя, не особо верится. Новая версия тебя, которая вся в мыслях о залетной трюкачке, — еще хуже, чем старая. Давай напьемся, послушаем кассету типа «Самые грустные песни», и ты выбросишь ее из головы?

Вадик то теребил сережку в ухе, то зачесывал назад волосы, то взмахивал руками — видимо, давно у него накопело. Антон сделал вид, что изучает пейзаж на другой стороне реки. Он всю жизнь держался от людей подальше, и говорить о чем-то настолько личном было физически неприятно. Если сейчас резко вырвать ногу из-под придавившей ее ноги и броситься влево...

— Ну? — Вадик снова разгадал его маневр и больно надавил ладонью Антону на загривок, впечатывая грудь в парапет. — Будешь опять отмалчиваться — я тебе врежу. Надоело.

— Да с ней что угодно могло случиться! — сдался Антон. — Гудвин мог найти ее, применить снежинку, как и планировал. Мог и убить ее, он...

— Она же его дочь, не сделал бы он ей ничего! А еще, знаешь... Может, твоя трюкачка была не решением наших проблем, а еще худшей проблемой? Заметил, что двери за последний год стали злее? После ее визитов! А теперь и вообще. — Вадик мрачно указал подбородком на просевший Кофейный домик. — Может, это тоже из-за нее.

Антон хотел возразить, но снова глянул на воду и умолк. Яростная, невиданно опасная дверь открылась

прямо рядом с местом, которое для него навсегда связано с Таней. Наверное, просто совпадение, но вдруг... Чтобы не смотреть на Фонтанку, Антон развернулся к ней спиной, пользуясь тем, что Вадик все же убрал ногу с его ноги и ладонь с его затылка.

— Она излечила город, не забыл? — Антон прислонился бедрами к парапету, глядя на поваленные деревья. — Исправила все разрушения, причиненные дверьми. Отняла у Гудвина власть и вернула ее Страже.

— Ага, за полчаса до ухода. Вот такой прощальный подарок. Что лишний раз доказывает: возвращаться сюда она не планировала.

Прозвучало разумно. Вадик, не услышав возражений, заговорил громче.

— Она же сказала: наш город — что-то вроде копии настоящего Петербурга. Стараюсь об этом не думать, чтобы не рехнуться, но лично я выбрал бы настоящий мир, а не какое-то гиблое местечко со странной магией.

Антон подавленно молчал. Что, если первое впечатление и правда было верным? Таня казалась ему практичной, бесстрашной и хитрой. Дальше он растаял, поверил, что они понимают друг друга как никто — а может, она нарочно заставила его так думать. В груди заныло. Поэзия всегда помогала ему в сложные моменты, но сейчас вспомнилось стихотворение, от которого стало совсем паршиво. И все равно он прочел его вслух, чтобы Вадик оценил талант Киплинга.

— Жил-был дурак. Он молился всерьез

(Впрочем, как Вы и Я)

Тряпкам, костям и пучку волос —

Все это пустою бабой звалось,
Но дурак ее звал Королевой Роз
(Впрочем, как Вы и Я).

Антон умолк, и Вадик торжествующе посмотрел на него.

— Я же говорил: она тебе нравится. Но знаешь что? Внемли моей мудрости, раздаю ее бесплатно, как солнце — лучи. Любовь — штука, которая целиком зависит от ситуации. Вы с Таней пережили всякие приключения, и, будь на ее месте другая девчонка, ты бы тоже запал. Нет никаких великих сил, которые тянут людей друг к другу — все это глупость. Два человека в подходящих обстоятельствах, бум, любовь! — Вадик щелкнул пальцами. — Ну, а потом ты спасешь какую-нибудь красотку от падения за дверь и про Таню сразу забудешь. А Таня твоя устроится работать в офис и увлечется парнем, который окажется за соседним столом и вовремя поднимет ей упавший ластик. Соображаешь? Найди новую девчонку. Ты, конечно, зануда, но рост тебе в плюс. Пользуйся им на зависть нам, коротышкам.

— Я... — начал Антон.

Поддержка Вадика пробила брешь в его антисоциальной обороне, но сказать главное все равно было трудно. Горло протестующе сжалось.

— Я ее поцеловал. Таню. Перед тем, как она ушла. А она, ну, не ответила. Просто стояла, потом что-то забормотала и отстранилась. И вышла за дверь.

— Так с этого надо было начинать! Лох ты педальный, Антон. — Вадик сжал переносицу. — Не мог еще